

МЕМУАРЫ

НА ТРЕТИЙ ГОД моего пребывания в консерватории, перед окончанием курса, стали готовиться для ученического спектакля оперу Моцарта «Похищение из сералия». Это сложная и трудная опера. Я должна была петь очень высокую и ответственную партию Констанцы со множеством колоратуры и фиоритур. Пришлось долго и упорно работать, чтобы достигнуть необходимой техники в исполнении партии.

Опера «Похищение из сералия» была поставлена в Большом театре два раза: 4 и 5 апреля 1902 года. Опера шла под управлением Сафонова, участвующие были ученики консерватории. В числе слушавших меня артистов Большого театра был Л. В. Собинов, в то время уже знаменитый певец, любимец публики. В антракте он очень хвалил меня профессору Мазетти, с которым познакомился раньше в Италии. Между прочим, Собинов посоветовал мне приготовить какую-нибудь оперу для дебюта в Большом театре, что я и сделала.

26 февраля 1902 года я пришла на пробу в Большой театр с арией из первого акта оперы «Лючия». Прослушав меня, комиссия выразила свое одобрение и просила прийти еще раз на пробу, чтобы спеть какую-нибудь русскую арию. Зная арию Антонины из оперы «Иван Сусанин», я решила ее спеть на следующей пробе, предварительно еще поработав над ней. Ни я, ни мой профессор не знали, что эта ария обыкновенно пелась в Большом театре всеми артистами на полтона ниже настоящей тональности — в ми, в анданте высокая нота была не до, а си. Я же приготовила ее, как написано композитором, в настоящем тоне и спела так на пробе.

На другой день я была приглашена к управляющему императорскими театрами, который предложил мне дебют в Петербургском Мариинском театре (в Большом театре вакансии на лирико-колоратурное сопрано тогда не оказалось). Не желая прерывать своих занятий с профессором Мазетти до окончания курса в консерватории, я не согласилась на такое предложение.

Через несколько дней после пробы я была приглашена военным ведомст-

вом спеть в концерте в пользу инвалидов, который по традиции ежегодно устраивался в Большом театре. В нем участвовал военный оркестр всех частей Москвы, солисты и хор Большого театра. Это было мое первое ответственное выступление. Среди публики была вся знать Москвы, много артистов, музыкантов, военных.

Дирекция Большого театра обратила внимание, как принимала меня эта публика. В результате, когда 23 апреля в Большом театре должна была идти опера «Иван Сусанин», а обе исполнительницы партии Антонины заболели, дирекция обратилась ко мне с просьбой выручить спектакль и выступить в этой партии, предупреждая, что это будет рассматриваться не как дебют, а просто как обычное выступление с условленной оплатой за один раз. Дирекция не брала на себя никакого обязательства принять меня в труппу, каков бы ни был успех, объясняя все тем же отсутствием вакансий.

Создать сценически несложный образ простой русской девушки Антонины было мне нетрудно — он был понятен и близок моей душе. Внутреннюю жизнь Антонины я глубоко чувствовала и переживала. Патристическое содержание драмы «Иван Сусанин» меня трогало и поднимало мое настроение. Я сразу вошла в роль. Нужна была только уверенность в правильной передаче образа с внешней стороны. В то время в театре режиссера в современном понимании этого слова не существовало. Режиссер Павловский, который вел со мной сценическую работу над партией Антонины, указал только мизансцены и, удерживая меня от суетливых, излишних движений, не советовал падать в обморок после ухода Сусанина в третьем акте оперы.

К своему выступлению в опере «Иван Сусанин» я готовилась серьезно, с полным сознанием важности

что если я не сдержу волнения, то не смогу петь как следует, помогла мне овладеть собой. Арию «В поле чистое гляжу» начала я робко. Спев первую фразу, почувствовала, что она прозвучала хорошо, музыкально и красиво. Это придало мне бодрости, уверенности, и всю остальную, медленную часть арии — анданте я спела совершенно свободно и легко. Когда я закончила ее высоким до, в зрительном зале раздались такие громкие аплодисменты, что дирижеру пришлось выдержать длительную паузу перед вступлением второй части — аллегро. Конец арии сопровождался такими же овациями, и после первого акта из зрительного зала раздавались крики: «Нежданова, bravo!». В течение всего спектакля успех возрастал. Конечно, очень трудно передать словами свои переживания. Ясно было, что я одержала победу, сразу имела успех, выступив в такой ответственной партии. Успех, ова-

ЖИЗНЬ, НАПОЛНЕННАЯ МУЗЫКОЙ

А. НЕЖДАНОВА

ВСЕРОССИЙСКОЕ театральное общество издает мемуары выдающихся мастеров русского и советского театра. В прошлые годы вышли в свет книги В. Н. Пашенной, В. Н. Яхонтова, И. В. Ильинского. Сейчас готовятся к печати воспоминания великой русской певицы Антонины Васильевны Неждановой, отрывок из которых мы публикуем в сегодняшнем номере.

Посоветовавшись с профессором Мазетти и Сеченовыми, я согласилась спеть.

ПАРТИЮ Антонины в опере «Иван Сусанин» я знала хорошо. Оставалось только отделать некоторые детали. За неделю до спектакля я была вызвана на фортепьянную репетицию к дирижеру И. К. Альтани. На репетиции Альтани указал мне несколько традиционных нюансов исполнения и кое-что во фразировке. Альтани был прекрасный, талантливый дирижер, работал в Большом театре много лет, под его руководством все оперы исполнялись идеально. После одной фортепьянной и одной оркестровой репетиции нашли, что я вполне готова как вокально, так и сценически и можно смело ставить меня в число участвующих в спектакле.

решиительного момента в моей жизни. Обдумывала детально каждую фразу, каждое слово своей партии, ежедневно повторяла по несколько раз трудные вокальные места.

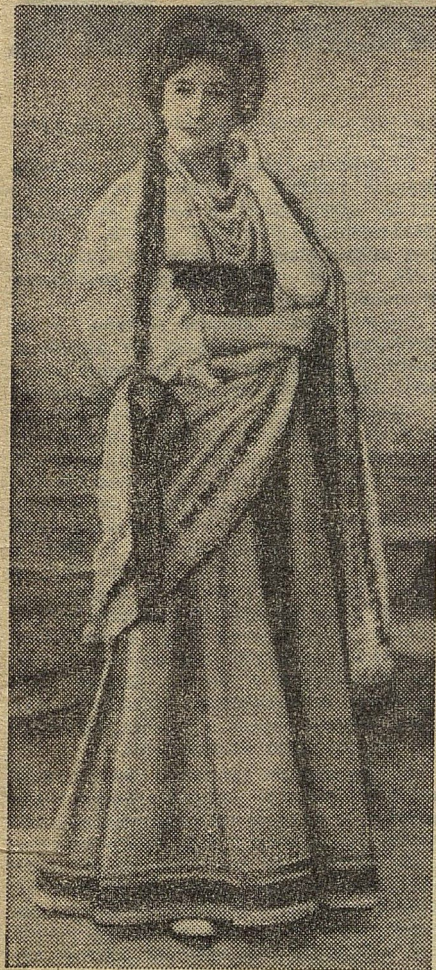
23 АПРЕЛЯ 1902 года по старому стилю (6 мая по новому) — в этот знаменательный для меня день — я впервые выступила в ответственном оперном спектакле Большого театра. Накануне и в день спектакля я страшно волновалась, особенно при первом выходе на сцену перед арией «В поле чистое гляжу», которая требует спокойного, выразительного исполнения, на большом ровном дыхании. Все же я с первого выхода держала себя так, что окружавшие совсем не замечали никакого волнения. Но спокойствие это было только внешним, внутри же у меня все трепетало, и только мысль,

ции положительно меня ошеломили...

В этом спектакле участвовали тенор Клементьев с обаятельным голосом и внешностью, певший Собинова, и прекрасное контральто Збруева — Ваня, с громадным диапазоном и звучным бархатным низким регистром.

Все артисты и хор внимательно относились ко мне во время репетиций и спектакля, помогали в мизансценах и, радуясь успеху, искренне поздравляли. Я была точно во сне, так все было неожиданно.

В первом акте, в самом начале арии, чуть было не случилась большая неприятность, которая могла бы испортить впечатление от спектакля. Во время исполнения анданте я с ужасом заметила, что шпур от моих лаптей развязались. Я могла упасть, и это грозило бы полным провалом. Спасло меня самообладание. Я поняла, что мне нельзя двигаться, надо стоять на одном месте, петь и в то же время не дать никому из публики заметить, что случилось. Очевидно, никто и не заметил, кроме артистов и стоявших в это время за кулисами костюмерши, портних и рабочих. Они были в ужасе, и, когда я после арии поспешила незаметно уйти за кулисы, чтобы завязать распутившийся шнур,

1902 год. А. В. Нежданова в роли Антонины («Иван Сусанин»).

все бросились с участием ко мне.

К счастью, этот неприятный эпизод не повлиял на исполнение арии. На другой день после спектакля некоторые из артистов говорили, что это неспроста, что кто-то подкупил портниху, которая нарочно плохо завязала шнуры на лаптях, чтобы мое выступление провалилось. Но думаю, что здесь была простая небрежность со стороны портнихи и неопытность с моей. Этот случай послужил мне уроком — надо всегда тщательно лично самой проверять и осматривать все мелочи в своем костюме перед спектаклем.

На другой день после несомненно удачного выступления я была приглашена в контору театров к управляющему, который, выразив свое

искреннее восхищение, вручил мне гонорар за участие в спектакле и опять предложил подписать контракт на один год с императорским Мариинским театром в Петербурге. Я решительно отказалась по тем же причинам, о которых говорила в дирекции и раньше: во-первых, я должна остаться в Москве, чтобы продолжать работу под наблюдением и руководством своего профессора; во-вторых, мне, как недавно приехавшей с юга, сырой петербургский климат мог быть вреден. Кроме того, я не хотела расстаться со своими друзьями, которых приобрела, живя в Москве в течение трех лет, и которыми я очень дорожила. В Петербурге я никого не знала, мне он казался холодным, суровым. Думала, что мне будет там тяжело работать. Я недоумевала, почему дирекция, очевидно, желая иметь меня в числе артистов императорских театров, в то же время не может принять в труппу Большого театра.

30 апреля для окончания сезона в Большом театре по традиции должны были поставить оперу «Иван Сусанин», и опять, кроме меня, не было Антонины. Дирекции, очевидно, неловко было снова приглашать меня петь на тех же условиях, поэтому за несколько дней до спектакля мне предложили подписать контракт на год на первые и вторые партии с окладом 1.200 рублей в год. Я была так довольна и счастлива тем, что остаюсь в своей любимой Москве, что не обратила никакого внимания на сумму и с радостью подписала свой первый контракт.

ИТАК, с 1 мая 1902 года я стала артисткой лучшего в мире Московского Большого театра. Я не могу описать своей радости, чувства громадного счастья, охватившего меня в те незабываемые дни. Исполнились мои заветные мечты — я ликовала! За три года пребывания в Москве после упорной, напряженной работы, интересных занятий в консерватории жизнь моя совершенно изменилась: из скромной, незаметной учительницы Одесского городского училища я стала артисткой первого театра России, на сцене которого выступали тогда Леонид Витальевич Собинов, Федор Иванович Шалапин. Это был точно прекрасный, волшебный сон.

Я пела в спектакле свою партию Антонины с еще большим воодушевлением, уверенностью и свободой, чувствуя себя настоящей артисткой Большого театра. Счастья моего невозможно описать.